

„...ПОНРАВИЛИСЬ СТИХИ Б. КОРНИЛОВА“

2207

ГОРЬКОВСКИЙ писатель Леонид Безруков много лет занимается изучением биографии и творчества своего земляка, выдающегося советского поэта Бориса Корнилова, 75-летие со дня рождения которого широко отмечалось в июле этого года. Разыскивая в старых номерах газеты «Литературный Ленинград» корниловские публикации, он обнаружил небольшую заметку-интервью...

Полтора десятка строк оказались очень дорогой, ошеломляющей — буквы сияли! — находкой, неизвестной до того страничкой биографии поэта. Вот она, удача!

«В этом году, — рассказывает Борис Корнилов, — в Сочи судьба свела меня с Н. А. Островским. Несколько дружеских бесед с этим обаятельным человеком и прекрасным большевиком останутся в моей памяти навсегда. Все героическое его прошлое, трагическая его судьба, легендарное его настоящее, по-моему, бесмертно и будет всегда волновать художников и писателей. Как мнею, но переживая каждую минуту наших встреч, волнуясь и радуясь, я должен написать о нем — командиром, о нем — о Николае Островском».

Сказано это было в 1935 году, и Борис Корнилов готовил

ся к такой работе. Воодушевленно рассказывал об этом своим друзьям, чувствуя себя во всеоружии слова и чувств.

Здесь хочется вспомнить, что и Николай Островский, и Борис Корнилов начали свой творческий путь едва ли не в одно время. Н. Островский написал повесть, отослал ее котовцам и начал работать над первой книгой романа «Как закалялась сталь», а Б. Корнилов выпустил к тому времени две книжки стихов, участвуя в ударных бригадах, писательских поездках на главные новостройки.

А в 1934 году в январском номере журнала «Молодая гвардия» вместе со второй книгой романа Н. Островского «Как закалялась сталь» была напечатана и поэма Б. Корнилова «Триполье».

И вот встреча в Сочи.

«У Николая Островского, — сообщала мне Л. Басова, жена и друг поэта, — мы были два раза. Мы отдыхали в Доме творчества литфонда в Хосте, а оттуда перебрались в Сочи, где тогда жил Н. Островский. Жил он в старом доме, новый еще строился. Когда мы с Борисом Петровичем пришли, он лежал в саду, в тени; около него сидела мать. Островский легко и бодро, что очень удивило нас, завел разговор о том, что на бюро горкома ставят вопрос: делать

ему операцию или нет. Объяснил нам весь тяжелый смысл операции...

Николай Алексеевич рассказывал о своих творческих планах, а потом расспросил о нашей жизни, о том, как устроились мы, над чем Борис Петрович работает (Корнилов начал тогда поэму «Люся» и заканчивал цикл стихов «Краснополянское шоссе»), попросил также Бориса Петровича почитать ему свои стихи. Очень ему понравилась «Качка на Каспийском море».

Он растрогал нас, когда мы пришли прощаться, спросив, не надо ли нам помочь, что мы, наверное, здорово поиздержались на курорте. Борис потом долго вспоминал, как это он, давно прикованный болезнью к постели, мог подумать о таких вещах, как деньги...»

...Будучи однажды в Москве, я зашел в Дом-музей Н. Островского и узнал, увидел, что в личной библиотеке писателя, в одном из застекленных шкафов, стоит сборник стихотворений и поэм Бориса Корнилова «Новое», очевидно, подаренный поэтом. Обрадованный такой находкой, я позвонил Раисе Порфирьевне Островской, жене писателя, которая хорошо, оказывается, помнит, как «приходил к ним в Сочи, на Ореховую, Боря Корнилов».

А вот из воспоминаний Бориса Шиперовича: «Я уже дав-

но заметил, что Островскому нравились стихи, в которых воспевались люди сильные, мужественные, умеющие преодолевать трудности и одерживать победы. Поэтому я не удивился, что в этот раз (15 апреля 1936 года — Л. Б.) ему понравились стихи Б. Корнилова».

Легко представить, как звучали на московской квартире Н. Островского строки о героической гибели трипольских комсомольцев в неравной схватке с бандитами-зеленовцами летом 1919 года... И как это было видно и зримо понятно Николаю Островскому.

*Восемнадцатилетние парни —
могли ли
биться, падая наземь,
меняясь в лице?
Коммунисты не думают
о могилах
как о все завершающем
страшном конце.
...Коммунисты живут,
чтобы с боем,
с баяном
уводить революцию дальше
свою
на тачанках,
на седлах, обшитых
сафьяном,
погибая во имя победы
в бою.*

Ведь такой же была, в сущности, и жизнь Николая Островского: вечно в труде и борьбе, беспокойная, напряженная.

Л. БЕЗРУКОВ.